

**Княжеское зеркало для великого магистра. Специфика процессов
«Перехода» в государстве Тевтонского ордена в Пруссии**

Котов Антон Сергеевич

Кандидат наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,

Гуманитарный факультет, Томск, Россия

E-mail: antnis@ngs.ru

В германской и европейской историографии термин княжеское зеркало означает наставление, адресованное правителю [5, 1040]. Такой источник отчасти сопоставим с публицистикой, однако рассчитан на узкий круг лиц, наделенных властью. Существенной характеристикой источника является актуализация определенных ценностей правителя, и, как говорит немецкий историк Х.Х. Антон, определяется место правителя в политическом диапазоне между тем, что есть, и тем, как должно быть [5, 1040-1041], что позволяет проследить эволюцию этих ценностей. В этой связи типологически важным является всплеск появления княжеских зеркал в Европе в XIV -XV вв. [5, 1047], что, на наш взгляд, связано с оформлением территориального (национального) государства, выстраиванием диалога «сословия-государь», словом модернизационных процессов в сфере политики [2, 27].

В этой связи «Наставление (Die Ermahnung)» (1427/1428) [4] - обращение неизвестного монаха картезианского ордена Мариенпарадиз, адресованное великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу (1422-1441), по многим критериям укладывается в этот типологический ряд. В «Наставлении» автор обращается к великому магистру как к князю земли, несмотря на то, что формально весь орден является сюзереном Пруссии. Прямое обращение к великому магистру указывает на изменение его статуса, что прослеживается также и по другим материалам - через репрезентацию власти [1].

«Наставление» как единое произведение еще не подвергалось подробному анализу. Оно выдержано в едином стиле. Текст богат на цитаты и отсылки к Священному писанию, орденским документам и обычаям. Все примеры, которые приводит картезианец, подчинены общей цели – подвигнуть великого магистра к преобразованиям (reformacio) [4, 454] в ордене, поскольку он как князь ответственен перед богом.

Хотя эта «реформация» вербализована в духе обращения к основам веры, которые и определяют статус духовно-рыцарской корпорации, однако за актуализацией традиционных ценностей кроются ростки нового.

Актуализация ценностей, проговаривание их адресату, свидетельствует о неосознанном стремлении определить их в новых социально-экономических условиях Пруссии XV в., когда братья-рыцари в силу своего статуса вступают в «диалог» с представителями сословий. Взаимоотношения между орденскими официальными лицами и сословиями зачастую сопровождаются конфликтами, продиктованными деформацией максим духовно-рыцарской общины в новых реалиях, связанных с обмирщением. Как свидетельствует сам картезианец «вера надломлена», воцарилось высокомерие. «Также, пожалуй, нужно было бы наказывать некоторых гебитигеров, которые проводят время в разгульных попойках, иногда из-за женщин, и много придают кутежу, и это против добросовестности, и люди из-за этого обычно получают дурной пример, и говорят много о том, и это

также против Бога, и этому следуют также пфлегеры, фогты, вальтмейстеры, и обычно в конвентах те, что от своих должностей что-то получают, каждый имеет свое собственное желание» (Ouch were wol zcu stroffen, das etczliche gebittigers unordentliche quessereye machen, under weylen ummb eynes weybes willen, und machen eynen grossen quaes, und das ist widder alle reddelicheit, und dy leute nemen daraus gemeynlich bose vorbilde, und reden gros darauff, und yst ouch widder Got, und darnoch volgen ouch dy pffegere, voyte, waltmeistere, und gemeynlich yn den conventen, dy von iren amppten etczwas vormogen, yderman hot seynen egenen willen) [4, 460].

В этих условиях автор наставления на основе Вульгаты, дополняя цитаты собственными комментариями, в рамках «традиции» выстраивая новые смысловые поля. Так, например, читаем в «Наставлении»: «Также пишет пророк Захария в главе 7: Verum iudicum iudicate, вы должны судить справедливым судом, должны оказывать милосердие, вдов и сирот, бедных и убогих не омрачайте» (Ouch schreibet der propheta Zacharias ime vij cappittel: Verum iudicium iudicate, ir sullet richten das worhafftige gericht, dy barmhertzikeit sullet ir thun, dy witwen und wesenn, dy armen und elenden sullet ir nicht betruben) [4, 453]. Идея справедливого суда становится одной из центральных в «Наставлении».

Рыцарские ценности защиты вдов, сирот и церкви приобретают в аранжировке автора такое звучание, которое позволило бы, сохраняя орден, сохраняя его членам статус брата-рыцаря, привести Пруссию к процветанию. Обратим внимание на то, что латинская цитата делает акцент не столько на защите вдов, сирот и убогих, сколько на праведном суде.

Обобщая, можно сказать, что справедливый суд, соблюдение привилегий и прав оказываются защитой вдов, сирот и церкви – это новая максима, сведенная в парафразе «Verum iudicum iudicate», отрывает братьев-рыцарей от общехристианских и общеевропейских интересов и делает акцент на Пруссии. Великий магистр в этих условиях становится гарантом соблюдения справедливости.

Здесь представляется определенная параллель с ситуацией в Англии в XV веке. А. Б. Фергюссон обратил внимание на английскую литературу этого периода, в которой прослеживается возрождение интереса к идеалам рыцарственности. Эта литература отражала процесс трансформации психосоциальных установок [3, 31-40; 54-55]. Многочисленное мелкое английское рыцарство с наступлением «осени Средневековья» испытывало кризис идентичности, основанной на универсализме. Ситуация несколько схожа с орденской Пруссией. В изменившихся социально-экономических реалиях английское рыцарство искало свою нишу, и, бытуя в новых условиях и ролях (например, служба королю), меняло свои психосоциальные установки. Оно отказывалось от максим, ориентированных на универсализм, в пользу максим, отвечавшим удовлетворению потребностей английского государства. Рыцарь в Англии должен был становиться не только на защиту церкви, вдов и сирот, но и общего права (*le common droit*). Таким образом, административные функции рыцаря ставились в один ряд с военными, получая моральную санкцию [3, 132-133].

Важным отличием является то, что английское рыцарство смогло преодолеть кризис идентичности и выработать новые психосоциальные установки, а вот в Пруссии эти установки в рационализованном виде появляются за пределами орденской общины. Картезианец, будучи монахом, рассматривает причины кризиса в ордене, во взаимоот-

ношениях с сословиями в рамках религиозной традиции, но зато «нащупывает» спасительный выход для братии ордена, который, так и не стал и не мог быть востребован ею.

Литература

1. Игошина Т.Ю. Государь вопреки идеологии: верховный магистр Тевтонского ордена // Королевский двор в политической культуре Средневековой Европы: теория, символика, церемониал. М.: Наука, 2004. С. 133-156.
2. Раков В.М. «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI—XVIII вв.). Пермь, 1999.
3. Фергюссон А.Б. Золотая осень английской рыцарственности. Исследование упадка и трансформации рыцарского идеализма. СПб., 2004.
4. Die Ermahnung des Carthäusers // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1870. Bd. IV. S. 450-465.
5. Fürstenspiegel // Lexikon des Mittelalters, Bd. 4, 1989.